

Гонимый ветром и судьбою...

Сергей ЧУХИН

Осенью «юбилейного» 1967 года в редакции вашкинской районной газеты «Волна» раздался звонок из Вологды. Звонили ребята из «Вологодского комсомольца»:

– Вася, тебе люди в редакцию не нужны? У нас тут молодой поэт Сережа Чухин ищет работу, а в Вологде ничего подыскать не можем.

– Сильно пьет? – спросил я. – А то ведь и Григорьева вы мне посоветовали взять.

– Что ты! Ему и всего-то двадцать с хвостиком, а уже два года учится в Литературном институте. Теперь вот на заочное отделение перешел, нужна работа...

– Ладно, пусть приезжает.

Восторга предложение у меня не вызвало. Во-первых, это был, что называется, «кот в мешке»: я не читал его стихов, не видывал и его самого. Да и поражаивал печальный опыт с Сашей Григорьевым, которого тоже порекомендовали ребята из молодежной газеты. За работу он взялся ретиво, но вскоре запил так, что пришлось уйти даже с частной квартиры. Ночевал он в редакции, вернее сказать, бражничал ночами, а днем отсыпался на редакционном диване. Долго так продолжаться, естественно, не могло, пришлось его рассчитать.

Вопреки ожиданиям Сережа сразу понравился всем в редакции – совсем еще «зеленый», но внимательный к людям, отзывчивый и на чужую радость, и на человеческую боль, невысокий, улыбчивый, в очках, он быстро вписался в наш небольшой и тоже «зеленый» коллектив. Достаточно сказать, что я был в нем самым старшим, а мне стукнуло лишь тридцать лет. Может быть, оттого в стенах редакции постоянно звучали шутки, смех. Все были легки на ногу, пешком забирались в самые дальние углы района. Сергей стал вести местные радиопередачи.

С квартирами было трудно, первое время Чухин жил, можно сказать, на редакционном диване, пока не нашлась комнатка в частном доме. Но и эти неудобства переносились без особых волнений. Сережа, казалось, просто излучал из себя жизнерадостность и веселье. Но это только казалось. Уже тогда он серьезно задумывался о жизни, о себе, о стране, о порядках, царивших в ней. В этом меня еще раз убедило найденное недавно стихотворение Чухина, отпечатанное на редакционном бланке «Волны» и подписанное к печати ответственным секретарем Виктором Фофановым – значит, оно было написано не позднее 1967 года:

От пересудов и простуды
 Сбегая в тихие дома,
 Среди покоя и посуды
 Совсем легко сойти с ума.
 Снега ли улицу затопят,
 Пройдет ли сонный листопад,
 В домах все так же печи топят
 И на погоду не глядят.
 Не по-хорошему оседлы,
 Неразговорчивы подряд,
 К соседям не пойдут соседи,
 Своих ворот не отворят.
 Не проскрипят дверные петли,
 Лицо в окне не промелькнет.
 Однообразны даже сплетни
 И одинаков анекдот.
 И утопая среди грязи,
 Дома уходят внутрь земли.
 По подоконники увязли –
 Скорей бы с крышами ушли!

Впрочем, стихотворение это не характерно для Сергея Чухина, оно, скорее, дань мимолетному мрачному настроению. Чаще он был шутлив, над его экспромтами и остротами, всегда точными и неожиданными, смеялись до упаду. Один из таких экспромтов я помню до сих пор:

Отчего так в редакции весело:
 И поет, и ликует народ?
 Разогнулась спина у Елесина –
 Подписал он второй разворот.

Да и мы не оставались в долгу. Помню, как я сказал по поводу одной из его радиопередач:

За окном подошли мухи,
 Кверху лапками одна...
 Из нее Сережа Чухин
 Бодро делает слона.

Однажды он пришел на районную партийную конференцию, чтобы сделать материал для передачи по радио. Кто-то из особо «бдительных» доложил представителю обкома партии, что Чухин – беспартийный. Представитель сделал мне строгое внушение и распорядился:

– Запись прекратить, корреспондента удалить из зала!

Пытаясь как-то смягчить это хамство, я начал издали, но Сергей все понял в ту же минуту:

– А и ладно, Вася! Баба с возу – кобыле легче!

И с явной радостью начал сворачивать шнур магнитофона. К партии Сергей всю жизнь относился отчужденно, даже боязливо. Однажды на собрании Вологодской писательской организации, когда были обсуждены уже все вопросы, кто-то предложил заодно провести и закрытое

партийное собрание. Беспартийные собрались и ушли, остался только Чухин. Он был слегка «под мухой» и, видимо, не понял, что от него требовалось. Василий Оботуров, бывший в то время ответственным секретарем писательской организации, грубовато пошутил:

– Уходи, Сережа, а то в партию примем!

Чухин так быстро схватился за шапку, что это вызвало взрыв смеха.

Вологодские писатели часто приезжали в Липин Бор. Той зимой, например, приехал к нам на несколько дней Николай Рубцов. Узнав, что Чухин временно живет в редакции, он тоже не стал устраиваться в гостиницу, а остался с ним. Вечер мы провели вместе, но потом я ушел, а они проговорили всю ночь. Вот как вспоминал об этом визите Рубцова сам Чухин:

«С помощью редактора газеты В. Д. Елесина, давно знакомого с Рубцовым, удалось устроить Николая Михайловича в гостиницу. Ночевал он там только первую ночь – холодно, да и шумно, а на следующую пришлось приставить к дивану редакционные стулья. Вечерами в редакции В. Елесин и секретарь В. Фофанов подолгу задерживались, подписывая номер в печать. Подкидывали в печь поленья, играли в шахматы. Игроком Рубцов был серьезным, но азартным в проигрыше и выигрыше.

В Липин Бор Николай Михайлович привез рукопись будущей книги «Душа хранит». Когда подготовка ее была закончена и рукопись перепечатана, Рубцов стал собираться в Вологду. Мы проводили его на аэродром...» («Воспоминания о Рубцове», Архангельск, 1983 г.).

Результатом этой поездки Рубцова стало и его стихотворение «Сосен шум».

Многие из нас в те годы пробовали заниматься литературой. Помню, как в течение двух вечеров Сергей терпеливо слушал мою первую повесть, как и сам много раз читал только что родившиеся стихи. Кстати, уже по прошествии многих лет, когда мы оба работали в Вологде, он нередко заходил в редакцию «Красного Севера», поднимался ко мне и предлагал послушать новое. Рукописи двух таких стихотворений до сих пор хранятся у меня. Вот одно из них:

Такое дождливое лето,
Какого не помнят давно,
Ни солнышком не обогрето,
Ни ягодою не красно.
Одно остается – работа,
Всегда остается одно.
Забудешься – и неохота
Глядеть понапрасну в окно.
С вестями не ждешь почтальона.
Какой по дождю почтальон!
И песня дождя монотонна,
Наводит нам дрему и сон.
Притихли деревня и поле,
Мир холоден, черен и гол.
Какой-нибудь пьяница, что ли,
Под окнами с песней прошел!
И странное чувство такое

Преследует душу, как бред:
Среди тишины и покоя
Как раз вот покоя и нет.

Приезжал в те годы в Липин Бор и Виктор Коротаев: вместе с ним и Сергеем мы долго сидели у меня на квартире и, наконец, узнали о причине его неожиданного приезда: оказывается, в Липином Бору жила его невеста, и дело уже вплотную подходило к свадьбе.

Потом мы с Чухиным чуть ли не одновременно уехали на учебу в Москву – он на дневное отделение Литературного института, а я – в двухгодичную высшую партийную школу. Но и в Москве виделись довольно часто: то Сергей приезжал ко мне в общежитие, то я к нему.

– А вон там у нас русалки живут! – озадачил он меня однажды, показывая на внушительный дом напротив общежития Литинститута.

– Как это?

– Там студентки ВГИКа живут. Любимое у них развлечение по утрам голышом на балконы выходить. Вот мы их русалками и зовем.

Потом, когда мы оба стали жить в Вологде, встречи были довольно частыми, хотя по большей части случайными: то писательское собрание, то литературный вечер, то совместная поездка на теплоходе. У Сергея начали выходить книжки, правда, довольно редко и небольшими тиражами. Третью свою книжку «Дым разлуки» он подарил мне с надписью: «Дорогому Василию Елесину, давнему другу и милому товарищу по работе, твой С. Чухин. 12.6.75 г.».

В августе 1976 года состоялась писательская поездка на теплоходе по рубцовским местам. Сплавлились мы вниз по Сухоне на теплоходе «Буревестник». На борту были Василий Белов, Ольга Фокина, Виктор Коротаев, в то время он был ответственным секретарем Вологодской писательской организации, а также Глеб Горбовский, Евгений Евтушенко, Валентин Устинов, Сергей Чухин и многие другие. Мы с Чухиным и Сергеем Багровым поместились в каком-то закутке на нижней палубе. Сергей был весел, балагурил, шутил, охотно выступал на вечерах в Шуйском, в Николе, в Тотьме. После одного из вечеров я подошел к Владимиру Громову, который исполнял песни на стихи Рубцова, и сказал ему, что редко чье пение производило на меня такое впечатление, разве что шалапинское.

– Ну, Вася, и комплименты у тебя! – расхохотался стоявший рядом Чухин. – Прямо изо всего лесу!

В конце 1979 года у Сергея вышла книжечка «Осенний перелет», на которой поэт оставил мне такой автограф:

«Милому Васе, и еще раз, милому Васе – сердечно. Твой С. Чухин. 22.1.80 г.».

А со следующим сборником его стихов, изданным Северо-Западным книжным издательством в 1982 году, вышла комичная история. Я увидел сборник в темно-коричневой твердой обложке в книжном магазине и тут же купил его. Вернувшись в редакцию, развернул – и... Каково же было мое удивление, когда увидел, что под обложкой, на которой серебряной вязью по черному было написано: «Сергей Чухин», на титульном листе стояло: «Юрий Леднев. Яблоко мира».

Напутала типография: обложки у того и у другого автора были одинаковые, только имена на них разные. Вот и вклеили в чухинскую

обложку книжку Леднева. Решив подшутить над Сережей, я спустился с пятого этажа на третий, где был «Вологодский комсомолец», — там работал Чухин.

— Вот, Сережа, автограф хочу получить.

— Это мы сейчас! — он взял ручку и открыл обложку, собираясь писать.

— Да ты полистай сначала книжку-то!

— А чего? Гм... Леднев. Стихи и поэмы. Ну, Юра, неплохо устроился!

Несмотря на трудную в материальном отношении жизнь, на ограниченность семей, Сергей не любил связывать себя постоянной работой. Его стихи, его работа и страсть была одна — поэзия. Но иногда обстоятельства оказывались сильнее: литературных заработков явно не хватало, и он то ненадолго устраивался в газету литконсультантом, то вдруг ушел рабочим на подшипниковый завод.

Но год от года креп его голос в поэзии, приходилось уже слышать и читать мнения авторитетных критиков, что из молодых поэтов «выбиться» из-под влияния Рубцова смог только Сергей Чухин. Его многочисленные книги и при жизни поэта не залеживались на полках, а ныне вообще стали библиографической редкостью.

Умер Сергей неожиданно и трагично. У нас с ним совпадали дни рождения, оба родились 12 октября, и обычно в этот день мы поздравляли друг друга. Так было и в 1985 году. Сергей позвонил мне, поздравил. А через несколько дней, как сказали, уехал в командировку. Позднее выяснилось, что командировка и в самом деле была ему выписана, даже жена думала, что он в отъезде, забеспокоилась, когда уже пошла вторая неделя его отсутствия. Услышав по местному радио, что в морге лежит неопознанное тело, пошла туда и, к ужасу своему, убедилась, что в морге лежит Сергей...

Оказалось, что вечером 16 октября, когда Сергей направлялся домой из редакции, при переходе улицы Ленинградской его сбила машина. Как это ни странно, при нем не оказалось абсолютно никаких документов, отчего и был он зарегистрирован в морге как «неизвестный». Таких, неопознанных, хоронят через две недели за казенный счет. Табличка «Здесь похоронен неизвестный» была уже изготовлена и для Чухина. Не опознай его накануне похорон жена, так и остался бы он «пропавшим без вести».

К великому сожалению, за двадцатый век многократно подтвердились слова Некрасова: «Русский гений издавна венчает тех, которые мало живут». Вот и на Вологодчине совсем молодым погиб Ганин, в тридцать пять лет убили Рубцова, в сорок лет — Чухина. Конечно, след в поэзии они оставили блистательный и яркий, но сколько горечи приносит мысль, что лишились мы непревзойденных шедевров из-за ранних трагических смертей самых одаренных сынов земли нашей...

